

Серафима Никитина

ЗЕМНОЕ ЦАРСТВО ХРИСТА В МОЛОКАНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ¹

В заключительной части своей книги, посвященной русским утопическим легендам, К.В. Чистов писал: «...своеобразной параллелью к социально-утопическим легендам были религиозно-утопические, хилиастические легенды, тоже непрерывно создававшиеся в самых различных слоях русского крестьянства, особенно среди старообрядцев и сектантов»².

По моим наблюдениям, собственно хилиастических текстов создается гораздо больше в среде сектантов протестантского направления, нежели среди старообрядцев. Среди последних они скорее являются индивидуальными творениями. По созданию, хранению в коллективной памяти и по способу воспроизведения хилиастические тексты можно назвать фольклорными произведениями именно в среде русских сектантов. Поскольку эти тексты, с одной стороны, входят в пространство эсхатологии, столь близкой душе старообрядцев-беспоповцев и представителей различных сект, с другой — связаны с исконным горячим стремлением русского человека любого вероисповедания найти в далеких краях обетованную землю, содержат очевидные аналогии и пересечения с текстами социально-утопической тематики.

Как известно, хилиастические (милленаристские) идеи относительно скорого прихода тысячелетнего царства Христа на земле — периода в конце времени, когда сатана будет связан Господом на тысячу лет, а на земле воцарятся праведники во главе с Христом, — усматриваются в текстах нескольких глав Апокалипсиса, главным образом в 20-й главе. В Ветхом Завете предвестие этих идей находят в книгах пророков Исайи, Иезекииля, Иеремии, Даниила. Хилиастические идеи широко распространялись по средневековой Европе, а затем и по Америке. Они вызвали критику церкви, однако это не прекратило их существования³. Будучи распространенными в протестантской среде (как сами хилиастические идеи, так и их критика), они дошли и до русского сектантства. В известном труде А.И. Клибанова, посвященном народной социальной уто-

---

¹ Работа выполнена в рамках договора по программе фундаментальных исследований ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой», раздел VI: «Текст в социокультурном и языковом пространстве РФ», проект «Религиозные тексты в социокультурном пространстве русских конфессиональных групп (молокане, духоборцы, старообрядцы)».

² Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967. С. 338–339.

³ Историю толкования 20-й главы Апокалипсиса и критику хилиастических воззрений см.: Ким Н., свящ. Тысячелетнее царство. Экзегеза и история толкования XX главы Апокалипсиса. СПб., 2003. С. 198–307.

пии в России, эсхатологические проблемы, в том числе хилиастические, рассматриваются в большой степени на материале архивных дел сектантов, преимущественно молокан¹.

Напомню, что название «молокане» обычно толкуется самими молоканами ссылкой на слова ап. Петра (1 Петр. 2: 2), что учение Христа является для верующих «чистым словесным молоком». Молокане разделялись ранее на несколько направлений; в настоящее время к молоканам относят «духовных христиан молокан», или «постоянных», и «духовных молокан», или «прыгунов». Первые считаются рационалистической сектой, вторые — мистической, поскольку в некоторых ее представителях — пророках и «действениках» — проявляется видимое действие Святого Духа. Среди прыгунов выделяются «максимисты» — последователи учения главного прыгунского пророка Максима Рудометкина. Они считают, что Рудометкин есть плотское воплощение третьего лица божественной Троицы — Святого Духа². Молокане не принимают внешних атрибутов православия (обряда крещения, например), не почитают икон, отвергают церковную иерархию. Единственным способом общения с Богом для них является слово — в самых разных его реализациях.

Эсхатологические проблемы и в настоящее время являются вполне животрепещущими в разных сообществах, как в традиционных, так и в новоявленных. Встроенный в них хилиазм — тоже. Но даже внутри одного конфессионального направления его толкования могут быть различными.

Так, на переломе II и III тысячелетий, в 2000 году, в журнале «постоянных» молокан «Добрый домостроитель благодати» были опубликованы две заметки: одна — «О тысячелетнем царстве на основании Священного Писания» — перепечатка из американского периодического издания «Вестник духовных христиан-молокан» (1985), автор Иван И. Федоров; другая — «Тысячелетнее царство, его значение», автор Н.В. Богданов. Оба автора, являясь «постоянными» молоканами, придерживаются противоположных мнений относительно тысячелетнего царства. Первый, основываясь на Откровении, где очень много фраз с глаголами в будущем времени, говорит о будущем первом воскресении праведников и втором пришествии Христа на землю, подкрепляя это словами апостола Иоанна: «Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть не имеет власти, но они *будут* священниками Бога и Христа и *будут* царствовать с ним тысячу лет» (Откр. 20: 6). Второй утверждает, цитируя многочисленные библейские тексты, что не нужно ожидать тысячелетнего царства, потому что оно уже пришло в мир вместе с Христом, принесшим благодать, и что ожидать нужно «только вечное и бесконечное, что приготовил Господь любящим его»³.

Если обратиться к современному богословию, то типичной для ученых богословов, толкующих эпизоды Апокалипсиса о тысячелетнем царстве, является следующая классификация миллениума: **премиллениализм**, или **хилиазм**, —

¹ Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России: XIX век. М., 1978; *Он же*. История религиозного сектантства в России: 60-е годы XIX в. — 1917 г. М., 1965.

² Об учении молокан см., например: *Клибанов А.И.* История религиозного сектантства в России; *Он же*. Народная социальная утопия в России; *Таевский Д.А.* Христианские ереси и секты I—XXI веков: словарь. М., 2003. С. 119, 149.

³ *Добрый домостроитель Благодати*: журнал Духовных христиан-молокан. Воронеж; Тамбов, 2000. Март. № 14. С. 37—48.

тысячелетнее царство следует за вторым пришествием Христа, после чего сатана будет развязан на краткое время; далее следует Страшный суд и вечность; **постмиллениализм** — понятие тысячи по отношению к царству имеет переносный смысл, обозначая очень долгий, но неопределенный срок торжества Евангелия над народами; он предшествует пришествию Христа и окончательному суду; **амиллениализм** — миллениум начинается при воскресении Христа и оканчивается его финальным пришествием. Одним из первых сторонников последней точки зрения, которая может считаться христианской церковной, считается блаженный Августин¹.

Нетрудно заметить, что изложенные выше две молоканские точки зрения можно причислить первую — к премиллениализму, вторую — к амиллениализму. Далее речь пойдет о молоканах-прыгунах, которые в подавляющем большинстве придерживаются первой, хилиастической, точки зрения.

Хилиастической тематике посвящено много духовных песен, сочиненных в сектантской среде. Именно духовные песни представителей мистического направления русского народного протестантизма — молокан-прыгунов — являются в настоящей статье главным материалом для лингвистического анализа ключевых слов, выражающих доминантные для культуры молокан-прыгунов концепты, связанные с идеей тысячелетнего царства.

Впервые о песнях молокан упоминается во второй половине XIX века. Тексты песен приводит Н. Дингельштедт². А.И. Клибанов говорит об имеющейся в его распоряжении тетрадке песен «общих молокан» (31 песня), где есть тексты эсхатологического содержания, и цитирует некоторые из них³. У молокан-прыгунов песни насчитываются сотнями и могут входить в состав богослужения. Песни, очень ритмичные (их ритмико-мелодической основу, по-видимому, составляют походные песни казаков), служат средством вызывания Святого Духа. Он начинает действовать в «действенниках» (они молча прыгают) и пророках (они *возвещают*). У постоянных молокан репертуар песен меньше прыгунского, некоторые тексты заимствованы у баптистов; песни поют в домашней обстановке или после богослужения.

Духовные песни молокан были собраны самими молоканами и впервые опубликованы в США. «Сионский песенник столетнего периода христианской религии Молокан духовных прыгунов в Америке», изданный в 1964 году в Лос-Анджелесе П.И. Самариным⁴, — это уже четвертое издание, оно содержит 724 духовные песни на русском языке. В последующих изданиях количество песен увеличилось: песенник, изданный в Ставрополе в 2002 году, включает 839 текстов, а изданный в США в 2004 году — 1208 текстов⁵. Как пишет издатель в предисловии к публикации 1964 года, «первые песни передавались друг другу по неграмотности устно, а потом записывались на листки, дневники и памятки». Песни были собраны двумя известными молоканскими певцами

¹ См.: Ким Н., свящ. Указ. соч. С. 25–28.

² Дингельштедт Н. Закавказские сектанты в их семейном и религиозном быту. СПб., 1885.

³ Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России. С. 160.

⁴ Сионский песенник столетнего периода христианской религии Молокан Духовных прыгунов в Америке. 4-е изд. П.И. Самарина. Лос-Анджелес, Калифорния, 1964.

⁵ Сионский песенник. Лос-Анджелес, Калифорния, 2004.

именно в США, хотя многие тексты родились еще в России. Тем самым «Сионский песенник» реализует связь между песенным творчеством русских и американских молокан. Существенно следующее замечание американского издателя: «Настоящая книга напечатана на простонародном говоре молокан-прыгунов, а не на русском литературном языке». Действительно, в текстах отражены такие диалектные черты, как яканье, замена среднего рода на женский (*тела моя, сердце моя*), мягкое *т* в окончаниях глаголов третьего лица (они *падуть*, он *примить* нас в объятья) и многие другие орфографические особенности, связанные с появлением грамматических ошибок в русском языке на американской почве (например, нарушение синтаксического управления или согласования прилагательных с существительными, особенно в текстах издания 2004 г.). Большинство собственно молоканских текстов по стилю можно отнести к так называемой «наивной литературе». В издании 1964 года указываются песни, сочиненные прыгунами уже в Америке (№ 505–591), а также взятые «из инославных источников».

Авторами песен могли быть разные люди, в том числе упомянутый ранее главный молоканский пророк Максим Гаврилович Рудометкин, который в своих сочинениях описал устройство тысячелетнего царства.

«Сионский песенник» вполне оправдывает свое название. Кроме Бога главный герой почти всех песен — *сионский народ*, избранный Богом, народ христианский, имеющий веру непосредственно от апостолов, которые в Сионской горнице проводили с Христом последнюю Тайную вечерю, народ, испытывавший гонения и страдания, народ, который будет жить в тысячелетнем царстве, царстве Сиона.

Сионский народ предстает в текстах как войско Христово, состоящее из полков:

Восстаньте, восстаньте вы *члены Сиона*,
Восстаньте *войны вы Христовы* (№ 57¹).

Члены Сиона называются также *героями* и *борцами*, но их сражение — война духовная:

Все *Сионские герои*,
Вожди, славные борцы;
Направляют стопы наши
В мир, где истина царит (№ 441).

Сионский народ — это страдальцы за веру, страдальцы ветхо- и новозаветные. *Страдальцы* ведут свое начало с пророков древности, которые обличали сильных мира сего, за что подвергались гонению. Страдальцами были первые христиане, но, конечно, главное внимание в песнях уделяется страдальцам за истинную молоканскую веру. Эта вера, *кровью облитая*, вера, за которую стояли молокане-прыгуны, берет свое начало, как считают носители этой культу-

¹ Номера цитируемых песен указываются по «Сионскому песеннику» 2004 года с сохранением орфографии и пунктуации источника. Слова и словосочетания цитируемых текстов, являющиеся объектом внимания, выделяются курсивом.

ры, в 30-х годах XIX века. Основателями религии духовных прыгунов были три человека, на которых сошел Святой Дух. Из произведений этих молоканских пророков и борцов за веру составлена священная молоканская книга «Дух и Жизнь. Книга Солнце», впервые опубликованная в США в 1915 году и много раз переиздававшаяся на русском, а затем и на английском языках; о молоканских страдальцах поется в песнях:

Пропоем мы про *страдальцев*,
Про Сионских вождей.
Им открыл Господь свою тайну,
По любви Своей святой (№ 456).

Словом, *Сионский народ* — это *верные*, это мы. *Мы* — местоимение, которое во всех падежных формах в текстах «Сионского песенника» встречается около 2000 раз — одно из самых частых слов электронного корпуса песен, насчитывающего 1208 текстов, или более 835 600 знаков. *Мы* — люди, гонимые властями, *страдальцы* и *праведники*, *члены Сиона*, или *сионский народ*.

Куда же стремится Сионский народ? В *тысячелетнее царство*, называемое также *убежищем*, *новым миром* и еще множеством других слов и словосочетаний, но в данной статье я остановлюсь на указанных трех близких по смыслу ключевых словах, за которыми встанут очертания мощного концепта молоканской культуры.

Слово *убежище* достаточно часто встречающееся слово. Внутренняя форма слова **у-беж-ище** указывает на его семантический инвариант — ‘место, где можно укрыться, место спасения’, — сохраняющийся в его двух основных значениях, или типах употребления: 1) обретенное место спокойного трудового проживания на грешной земле, где верных не заставляют изменять своим убеждениям, то есть место удачной миграции; 2) собственно тысячелетнее царство. Кроме того, *убежище* понимается, как сказали бы молокане, и в чисто «духовном» смысле, ибо душа верующего, или «верного», есть убежище от *злого мира*, как и сообщество *верных*, то есть *Сионский народ*.

Слово *убежище* довольно употребительно в Ветхом Завете, хотя и в «земном» значении — прежде всего как укрытие для убийц, преступление которых не было преднамеренным. У молокан оно появилось в 1838 году в «Сионской книжке» Давыда Есеевича, он же Феодор Осипович Булгаков, «наставник и страдалец за веру и Дух Святой». Его повесть 76 называется «Песнь в убежище», в ней он призывает: «Идите в страны дальния, напойте роды избранные <...> Идите вратами моими и приготовляйте путь людям Моим»¹.

Это же слово *убежище* употребил мальчик-пророк Ефим Клубникин, предсказавший в 1855 году, в двенадцатилетнем возрасте, переселение «через великая и глубокия воды» части молокан («верующих») в далекую страну, которая станет для них *убежищем*. Почти через пятьдесят лет после этого предсказания, в начале XX века, когда молокан-прыгунов, пацифистов по религиозным убеждениям, стали призывать в Закавказье на военную службу, им удалось после долгих безуспешных попыток все-таки получить разрешение на эмигра-

¹ Дух и жизнь. Книга Солнце. Лос-Анджелес, 1928. С. 154. (Переизд. фотогр. способом в Лос-Анджелесе в 1975 г.).

цию в Америку. Но задолго до Америки было переселение на Кавказ, которое молокане также считали благословенным, хотя начиналось оно с насильственной высылки представителей «вредных сект». В песне № 468 говорится, что Христос

Церковь свою убеляет
 С делами мира разделяет
 От антихриста избавляет,
 Во убежище удаляет...
 Далее рассказывается, что предки
 Ссылкой походом на Кавказ
 Получили мирной указ.
 В полной свободе Бога прославляли,
 Много лет солдатчины не знали.
 Мы, потомки их,
 Осчастливились при них.

Замечу, что переселенцы в Закавказье получали некоторые льготы, связанные с тем, что они, первоначальные изгои, стали рассматриваться как оплот государства на южной границе. Обнаружилось много добровольцев, желающих туда переселиться. В случае отказа некоторые молокане бежали тайно. Усилились переходы в молоканство православных. Так, в 1838 году часть молокан слободы Орлов Гай Новоузенского уезда Саратовской губ. была выслана в закавказские провинции, туда же должны были отправиться и оставшиеся молокане, крестьяне казенного ведомства, но дело было приостановлено, а оставшиеся молокане, как и отправленные, освобождены от казенных податей. Это явилось соблазном для православных. В результате они тоже стали переходить в молоканство, желая ехать в «землю обетованную», где будет освобождение от рекрутчины. Те же молокане, которые были обращены в православие, вторично объявили себя молоканами¹.

Но вернемся к песне № 468. Далее в ней говорится:

Вот пришел грозный указ
 На весь благословенный Кавказ:
 Богу своему молись,
 А в ряды солдат становись...
 Однако Господь позаботился о молоканах:
 Голос свыше нам открыл,
 В поход итить нас возбудил.
 Путем похода выступали,
 Нужды скорби встречали.
 Милость Бога осеняла,
 От напастей избавляла.
 Злым колючим путем шли,
 В *мирную Америку* пришли;
 Тут Господь нас питает,

¹ Областной саратовский архив. Ф. 135. Д. 1338. 1843 г.

Мирной жизнью награждает.
Хвалу Богу воздаваем,
В вечном лете обитаем.

Действительно, путь был весьма *колоч*. Люди добирались до Нового Света разными способами, испытывая многочисленные материальные лишения и болезни; случались тяжелейшие переходы и переезды, наступала смерть. Тяготы миграции подробно описаны самими молоканами в их рукописных семейных мемуарах, а также молоканскими историками в опубликованных книгах¹.

Молокане перенесли немало трудностей и в первые десятилетия жизни в «вечном лете» Калифорнии, однако твердо убеждены, что США — страна под покровом Господа, надежное *убежище*, где их вера и образ жизни получили полную свободу и привели их к очевидному благоденствию.

Разве Он [Бог. — С.Н.] нас тут забудет,
в сей далекой стране.
Он нас кормит и одевает,
и всеми благами питает,
и от зла хранит всех нас (№ 452).

Думается, что первый смысл молоканского слова *убежище* весьма сходен со смыслом слова *Беловодье* у старообрядцев — смыслом, детально рассмотренном и многогранно представленном в книге К.В. Чистова². Несмотря на разность вер, эти две конфессиональные группы связывает ряд общих признаков, из которых я выделю три, имеющие непосредственное отношение к теме статьи: это — повышенная **миграционность**, обусловленная внешними факторами, но могущая стать имманентным признаком культуры; **эсхатологическая направленность**, рождающая острое ощущение близкого конца человеческой истории; убежденность **в избранности**, эксплицитно выраженная как в духовных стихах старообрядцев, так и в песнях молокан.

Название *Беловодье* с богатой внутренней формой, объединяющее множество текстов (словесный код), разнообразную деятельность по созданию способов (планов) достижения далекой прекрасной страны, огромное число длительных путешествий, для этого предпринимаемых (акциональный код), указывает на мощный, значимый для старообрядческой культуры смысл, или культурный концепт, наполненный социально-религиозным содержанием и содержащий явный оценочный компонент. Недаром одна из самых содержательных публикаций последних лет, посвященных старообрядческим миграциям, называется «Из «Вавилона» в «Беловодье»...»³. Автор показывает, как староверов-странников вел к их цели на трудном физическом, душевном и духовном пути образ «чувственной пустыни», почерпнутый из христианской книги, — образ идеального места для жизнеустройства по религиозным прави-

¹ Например: *Berokoff J.K. Molokans in America. Buena Park, California, 1969* (2-nd printing 1987).

² *Чистов К.В.* Указ. соч.

³ *Дутчак Е.Е.* Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных обитателей староверов-странников (вторая половина XIX — начало XX в.). Томск, 2007.

лам, и каковы оказались на самом деле сложные отношения между географической утопией и культурной реальностью.

В культуре молокан-прыгунов близким к этому оказывается концепт, объединяющий поиск прекрасной страны для нормальной и свободной жизни, идею тысячелетнего царства и вечной жизни для праведников после Страшного суда. В обеих культурах присутствует убежденность в спасении веры и «верных» посредством исхода или удаления в чистое место от злого и грешного мира. Символом этого мира и для старообрядцев, и для молокан является *Вавилон*. Вавилон как средоточие зла и греха предстает в образе *любодейцы*, сидящей на звере с чашей, наполненной нечистотами. Этот символический образ, заимствованный из Апокалипсиса, попал в духовные стихи:

Вавилонская любодейца
И скверная чародейца
Представляет всем чашу мерзости
Под прикрытием малой сладости¹;
и молоканские песни:
Любодейца в Содоме,
Живет она в *Вавилоне*;
Сидит она на престоле,
У ней чаша в руках
Полна мерзости в устах (№ 91).

Итак, *убежище* в первом значении (или употреблении), *убежище 1*, подобно старообрядческой *пустыне* или *Беловодью*, противопоставлено *миру* — *Вавилону*. Так, в духовном стихе старообрядцев говорится: «...весь мир давно прельстился, *Вавилоном* сотворился»; молоканская песня обличает мир-Вавилон:

Горе горе Вавилону,
Любодейцы земной.
Кровью святых ты упилась,
Мучила за веру жестоко нас (№ 179).

«От мира *Вавилона* имя шестьсот шестьдесят шесть» [число Антихриста. — С.Н.], — говорят молокане.

Рядом со словом *убежище* часто возникает слово *поход*. Любое убежище требует направленного движения к нему; поход является именно таким движением — физическим и духовным. Заимствованное, по-видимому, из казачьей культуры, это слово повлекло за собой *коней*, *мечи* и обозначения других атрибутов военного похода. Сражение с грешным миром, с собственными грехами, победа над ними и есть духовный путь в убежище, которое дает Господь и которое существует не только как некий локус, но и как дух и жизнедеятельность избранного народа².

¹ Экспедиционные материалы автора.

² Подробнее о походе см.: *Никитина С.Е.* Сотворение мира и концепт Исхода/похода в культуре молокан-прыгунов // От Бытия к Исходу. Отражение библейских сюжетов в славянской и еврейской народной культуре: сб. ст. М., 1998. С. 120–130.

Центральное значение, или употребление, слова *убежище* — это указание на тысячелетнее царство. *Убежище* в этом значении — близкий синоним словосочетания *тысячелетнее царствование*. В этом употреблении *убежище* тоже обозначает место на земле, где выполняется определенная функция — функция спасения, но место совершенно особое, и функция его тоже несколько меняется, хотя смысловой стержень остается неизменным. Если в первом значении *убежище 1* может соотноситься со многими или по крайней мере с несколькими территориями (Кавказ, Америка, а также Персия, куда молокане тайно уходили от колхозов в годы «великого перелома»), то территория *убежища 2* для молокан-прыгунов единственна — это место под Араратом. В 30-х годах XIX века в Закавказье к Арарату устремились толпы немецких сектантов в ожидании тысячелетнего царства. Толчком для этой ситуации стала книга немецкого пиетиста Юнга Штиллинга¹, в которой объявлялось время наступления тысячелетнего царства в 1836 году. Дата была вычислена другим немецким пиетистом Иоанном Бенгелем еще в первой половине XVIII века и указана в его сочинении, посвященном «Откровению Иоанна»². Книга Штиллинга, как считает А.И. Клибанов³, стала известна и молоканам. Арарат в их представлениях и песнях стал дважды священной горой: во-первых, к ней пристал Ноев ковчег, во-вторых, к ней собираются народы, чтобы вступить в царство Христа:

Из-за всех стран и земель
 Во едино место к горе матери Арарат
 При которой мы увидим
 Новое обетование Божие
 И ковчег Ноев со всеми его припасами (№ 806).

На нее или рядом спустится небесный Иерусалим после окончания тысячелетнего царства, поэтому эта гора — сакральный центр в молоканской модели мира, знак и маяк будущего тысячелетнего царства:

Мать родная Арарат,
 Иерусалим Сионский град
 <...>
 Там обетованный покой,
 Тысячелетний праздник святой (469);
Ты страна наша родная
Матерь всей вселенной
 При великой горе Арарат
 <...>
 Вот убежище твое
Иди в Сион мой (№ 1013).

¹ *Stilling Jung*. Die sieggeschichte der Christlichen Religion in einer gemeinnützigen Erklärung der Offenbarung Johannis. Stuttgart, 1799.

² См.: *Ким Н. свяц.* Указ. соч. С. 255–256.

³ *Клибанов А.И.* Народная социальная утопия в России. С. 36.

О сакральности этих мест говорят рассказы современных молокан:

«Когда Ной сошел на землю, с Арарата, с ковчега, в первые года он стал засеивать, получал стократный урожай. Во всех окрестностях текли мед и молоко. С Америки приехали наши молокане-друзья, эту обетованную землю хотели посмотреть. Когда в Персию приехали, ихний шах повел их к этой земле. Провел — там заросли такие, непроходимые места. Увидели обширное место, богатое место. *Семь миллионов можно заселить*, да еще приумножаться будет. И Бог открыл им еще рай! Они как глянули: “Эх, продаем все свое и сюда переезжаем” — сами между собой. Теперь им голос говорить: “Сюда вы не войдете. Сюда войдет истощенный-истощенный, *изгонимый* народ, много пострадавший за слово Господне”. И вот когда они голос услышали, тогда сильно потрясло их. Они домой поехали и года через три скончались. Это уже лет сорок назад»¹.

Молокане-прыгуны XX века о тысячелетнем царстве знают главным образом по сочинениям Максима Рудометкина, собранным в книге «Дух и жизнь». Некоторые информанты рассказывают о царстве близко к рудометкинскому тексту, другие говорят об отдельных деталях, например о необычайной красоте сакрального города, вмещающего до *семи миллионов* человек (то же число в тексте, представленном выше). Тысячелетнее царствование — это прекрасная жизнь праведников с «измененными» (преображенными) телами, жизнь вполне человеческая, с браками и рождениями (роды в царстве безболезненные), но без смертей, за исключением людей, совершивших грех против Святого Духа: такие грешники погибают навеки, и второго воскресения для них уже не будет². В песнях нет подробного описания тысячелетнего царства, однако множественны упоминания о нем: от самых кратких типа «в убежище идем на тысячу лет» до пространных объяснений, создающих отдельный самостоятельный текст, — например песня № 850 (с некоторыми купорами), содержащая несколько синонимов конфессионального термина *тысячелетнее царство*, называющая местонахождение этого царства с указанием числа его первоначальных жителей и их телесного состояния (отмечено курсивом):

Ноне же в сем девятнадцатом веке
 Появилось людям Божьим новое оживление
 А теперь не сомневайтесь скоро можно ожидать
 Основание новогрядущего *тысячелетнего*
 Единомысленного *земного царства Христа на земле*
 И собрания людей Божьих от всей поднебесной
 Во единое место прямо *на землю долины*
*Святой горы вершины именем Югваир*³
 <...>
 Страна эта называется в Писании *земля*
Живых или *непреступный блаженный Божий*
Стан для них самим Богом вечно насаженный

¹ Экспедиционные материалы автора 2003 г. Село Фиолетово, бывшее Никитино, Армения.

² О некоторых характеристиках тысячелетнего царствования на материале текстов Рудометкина говорится в статье: *Никитина С.Е.* Указ. соч.

³ Югваиром названа вершина Арарата.

В котором ныне находятся с Агнцем его
*Сто сорок четыре тысячи одного еврейского
 Народа*, запечатлением именем Бога
 <...>

И поновление всех в телах на тысячу лет (№ 850).

На мой вопрос к информантам, как соотносятся между собой 144 тысячи, упомянутые в Апокалипсисе (Откр. 14: 1), и семь миллионов предполагаемых жителей *убежища 2*, или тысячелетнего царства, я получила два разных ответа. Один совпадал с тем, что содержится в цитированном выше тексте (144 тысячи — воскресшие праведники израильского народа), другой — все праведные люди, которые умерли до наступления царства Христа, воскреснут и войдут в царство; остальные же миллионы — живущие ныне и избранные Богом.

Итак, *убежище 2* и *тысячелетнее царство* можно было бы считать полными синонимами (имеющими к тому же длинный ряд других синонимических выражений), однако многие контексты лексемы *убежище 2* и словосочетания *тысячелетнее царство* имеют очевидные семантические различия. *Убежище* своей внутренней формой указывает на конечную точку перемещения в пространстве — место, куда можно убежать и там укрыться (вспомним солженицынское *укрывище!*); поэтому оно сочетается с глаголами перемещения; в *убежище* люди *идут* или *пойдут*, они *будут взяты* или их *поведут*. Субъектами или объектами перемещения являются люди, именованные по их исходному состоянию или деятельности. Это *страдальцы за веру, рабы господни*, претерпевшие или которым суждено претерпеть муки, например: *тиранства пройдете, мирской Армагеддон; изгнанники* (вспомним *изгонимый народ* в рассказе об Арарате!); *воины Христовы; те, кто в Духе святы*:

Воины Христовы вооружались,
В убежище управлялись.
Все в убежище пойдут,
Своих людей поведут (№ 74).

А также «кои ныне в Духе святы, / В убежище будут взяты». Все они в убежище найдут *отраду и награду, мир и покой*.

Тысячелетнее царство — конфессиональный термин, но он имеет многочисленные текстовые варианты (их нельзя назвать терминами), включающие слово *тысяча*: *тысяча лет, тысячелетние дни святыя, тысячелетний праздник, земное царство Христово* и др. Много раз в текстах повторяются клише: «*Тысячу лет пировать, / Царя Духов прославлять*»; или: «*Будем царствовать с тобой / Тысячелетний праздник святой*».

Термин *Тысячелетнее царство* и его варианты, в отличие от *убежища 2*, обозначают особый временной период и социальное устройство; контекст указывает на статусы и роли людей, в царстве проживающих. Так, в соответствии с текстом Апокалипсиса: «...они будут священниками Бога и Христа, и будут царствовать с ним тысячу лет» (Откр. 20: 6); ср. с текстом М. Рудометкина: «...всякий муж будет царь и священник, а всякая жена царица и священница»¹.

¹ Дух и жизнь. С. 514.

Песни это повторяют:

Скоро от мира удалимся,
На тысячу лет *воцаримся*:
Будем цари и Иереи,
Во святой любви и вере (№ 69).

Итак, идущие в убежище *страдальцы* и *изгнанники*, входя в *царство*, становятся *царями* и *иереями*.

И поход в царство/убежище, и само пребывание там связаны с пением и музыкой: в *тысячелетних днях святых*, *тысячелетнем празднике* совершаются *ликования* и *песнопения*; в текстах песен упоминаются арфы и трубы:

В *трубы-музыки пробьем*,
Все в *убежище* пойдем (№ 144);
Там праведные — святые,
Все *на арфы* будут петь (№ 182).

Еще одним синонимом к *тысячелетнему царству* является слово *мир* в сочетании с определениями *новый*, *лучший*, *где истина царит* и др., например:

Обновись ты, спасенный народ,
Приуправься и будь ты готов;
Чтобы *взойти в новый мир* — *новый мир* (№ 311);
День великий Господень идет,
С силой и славой на землю грядет;
И *откроется мир, новый мир* (№ 311).

Новый мир — противопоставление *миру-Вавилону*, одно из значений многозначного слова *мир* в молоканских песнях с семантическим инвариантом ‘все, сотворенное Богом и людьми’, то есть *миръ* в старом орфографическом облике. Одно из значений слова *мир* — ‘греховное сообщество людей на земле, в которое не входит избранный народ’, *мир развратный, неверный и злой*, который *придет судить Бог*. Ему и противопоставлен *новый лучший мир* — *тысячелетнее царство*, которое, как все новое, нужно обустроить. Смысловой акцент на словосочетании *новый мир* падает на идею его нового устройства, и эту трудную функцию выполняет Максим Рудометкин, благословленный Богом:

Я есмь Дух истинный нисшедший с небес,
Посланный от Бога Отца всех светов.
В третьем лице *для устройства нового мира*
И поставить в нем святой стан — град любви;
Во славу *земного царства Христова*
На всю тысячу лет и веки. Аминь (№ 683).

Но мир иногда называется *вечным*, и можно думать, что здесь говорится уже о конце времени, когда опустится на землю новый Иерусалим и избранный народ войдет в вечность:

К Эммануилу мы идем, к Эммануилу мы идем,
В мир, в лучший вечный дом (№ 331).

В некоторых текстах песен тысяча почти незаметно переходит в вечность, граница смазана, в отличие от текста Апокалипсиса, где она очевидна. В тексте Рудометкина также указываются пограничные признаки: дьявол окончательно уничтожен ввержением в огненное озеро; новый Иерусалим опустился на землю, наступило второе воскресение, оно же вторая смерть. В молоканских текстах неясно, когда происходит изменение тел: при вхождении в тысячелетнее царство, в вечность, или это случается дважды? С одной стороны, говорится: «И поновление всех в телах на тысячу лет». С другой стороны, люди просят Господа после тысячи лет:

А после вкупе всех нас перемены
Яко новые тела и души в нас сотвори
Красоту лиц наших просвети
Яко твердь небесной чистоты умы наши
Светом премудрости всех озари
В чем мы все таковые вечно не узрим
Не узрим смерти ниже тления
И будем в том мы царствовать с тобой на земле
В новом святом городе Иерусалиме
Уже на все бесконечные века. (№ 851).

В таких контекстах *убежище* не присутствует: в самом смысле *убежища* есть некая временность, пределом которой выступает *тысяча*.

Но что такое вечность в молоканском и шире — в народном представлении? Думается, что вечность и время в народном сознании не противопоставлены, как в богословии и философии; вечность — это тоже время, но без срока, без счета, без конца, это так называемая «количественная» вечность¹. Именно поэтому молоканская вечность возникает на той же, хотя и преображенной, земле. Связь между тремя этапами молоканской истории хорошо выражена в духовной песне, которую пели молокане во времена переселения в Америку², то есть в походе в *убежище 1*; это — песня об *убежище 2*, то есть о тысячелетнем царстве, плавно переходящем в вечность:

За синие моря-океаны,
За грубые острова-буяны,
Где сады райские растут,
Зеленеют и цветут,
Благовонный запах издают,
Нам желаемое дадут,
На тысячу лет в земной рай приведут.
Там нас примут во дворцы, палаты,

¹ Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994. С. 87–94.

² Духовный христианин. 1907. С. 6–7.

Угостят, чем богаты,
Там нас обнимут, расцелуют,
Тленные лохмотья с нас снимут,
Оденут в корсеты и виссон,
Как славных царей и вельмож;
Затем будем ликовать,
Тысячу лет царствовать.
Всеми благами насладимся,
На всю вечность воцаримся,
Будем царями и иереями
По святой любви и вере. Аминь.